

Шукова Г.В. Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов

English version: [Shukova G.V. Features of socio-psychological space of young professionals – applied psychologists](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Представлены результаты эмпирического исследования структуры социально-психологического и профессионального пространств молодых специалистов психологической службы образования, в котором выделены их элементы. Показано, что профессиональные качества и мотивы в значительной степени структурируют психологическое пространство молодых специалистов психологической службы образования. Не меньшее значение играют и факторы, связанные с задачами развития, характерными для периода юности и ранней взрослости. Выявлены динамические тенденции в структурах реального и идеального психологических пространств, связанные с усилением гедонистических тенденций в идеальном будущем. Апробированы диагностические приемы, позволяющие не только визуализировать структуру социально-психологического пространства, но и объективизировать его сущностные компоненты и основные элементы в их динамическом и иерархическом соотношении.

Ключевые слова: психологическое пространство, социально-психологическое пространство, структура психологического пространства, реальное психологическое пространство, идеальное психологическое пространство, витаграмма

Проблема социального и социально-психологического пространства, в которых происходит формирование личности, развитие социальной и профессиональной идентичности человека, является одной из ключевых в современной психологии. Значение этой проблематики связано с тем, что использование конструкта социально-психологического и психологического пространства открывает широкие эвристические возможности для исследования разных аспектов социализации людей в современной сложной и изменчивой социальной ситуации.

Появление междисциплинарных исследований, связанных с анализом социально-психологического пространства, характерно не только для отечественной, но и для мировой психологии. В последние десятилетия вектор развития мирового гуманитарного знания все сильнее отклоняется от гносеологических целей познания механизмов формирования статичных, по большому счету, образов статичного же мира в область исследования развития и взаимодействия динамических систем. Многие ученые отмечают, что изменились мировоззрение и стратегия научного поиска, связанные с развитием неклассических форм системного подхода. Складывается синергетическая картина мира, в основу которой положены процессы самоорганизации и саморазвития систем [Пригожин, Стенгерс, 2000; Хакен, 2011; Князева, Курдюмов, 2002]. Смысл научного познания видится в анализе не столько устойчивости структур, сколько их становления, то есть в возникновении нового в режиме актуального времени [Киященко, 2004; Лисеев, Садовский, 2004]. Как отмечает В.А.Барабанщиков, ключевую роль в проводимых исследованиях начинают играть способы порождения психических явлений, закономерности их трансформаций и взаимопереходов [Барабанщиков, 2012, с. 8].

Подчеркивая значимость новых тенденций в современных исследованиях психологии человека, А.Л.Журавлев указывает на появление новых предметов исследования, в частности, таких, как «самодетерминация и миропреобразовательная активность индивидуального и группового субъекта, ...

взаимодействие человека и значимого социального окружения, ... динамичность психологических явлений в жизни человека» [Журавлев, Купрейченко, 2012а, с. 3]. Говоря о новых тенденциях в методологии психологических исследований личности, В.Н.Мунгалов подчеркивает, что «в последние годы наблюдается тенденция в рассмотрении психических явлений с позиций психологических пространств, а не сфер. ... Метафора «сфера» предполагает взгляд на анализ психического явления со стороны, причем исследователь предполагает ограничение его проявления. Метафора «пространство» позволяет перенести позицию исследователя «вовнутрь», то есть взглянуть на мир глазами другого человека. Это становится возможным благодаря выявлению у человека шкал оценки, с помощью которых он смотрит на мир» [Мунгалов, 2013, с. 140].

Если изучение психологического пространства справедливо связывается с работами К.Левина [Левин, 2000], исследование социально-психологического пространства соотносится и с социологическими и философскими подходами. Поэтому в настоящее время, в связи с актуализацией междисциплинарного дискурса в психологии личности, как справедливо отмечает Т.Д.Марцинковская, гораздо шире и активнее исследуется проблематика социального пространства личности. При этом социальное пространство рассматривается как «сложный многоаспектный пространственно-временной конструкт, включающий внешние, собственно социальные и персональные, личностные поля и объективные и субъективные параметры времени» [Марцинковская, 2013].

Говоря о психологическом пространстве, исследователи связывают это понятие с разными дискурсами и дисциплинами. Одним авторам корни понятия «психологическое пространство» видятся в этологии и психологии личности [Нартова-Бочавер, 2003, 2005], другим – в математике и физике [Мунгалов, 2012], что определяет вариативность содержания указанного конструкта в литературе. Это «молодое» (на современном этапе развития науки) понятие как раз в силу своей теоретической «молодости» позиционируется чаще всего через указание и перечисление разнообразных областей жизнедеятельности. Предметом современных психологических исследований является множество «психологических пространств существования человека, как общих, универсальных, так и частных, специализированных видов пространства, выделяемых в результате анализа взаимодействия субъекта с конкретными сферами жизнедеятельности человека. А.Л.Журавлев также подчеркивает, что «в концептуальных моделях и программах эмпирических исследований многих современных авторов можно отметить явный рост внимания к ценностно-смысловым и духовно-нравственным компонентам личности и группы» [Журавлев, Купрейченко, 2012b, с. 15]. В качестве направления, активное развитие которого в самое ближайшее время не вызывает никаких сомнений, следует упомянуть проблематику позиционирования в психологическом пространстве человека средств массовой коммуникации (см., например, анализ блога как компонента психологического пространства личности [Волохонская, 2012]).

Таким образом, можно констатировать, что проблематика психологических пространств как совокупности внутренних и внешних условий жизнедеятельности субъекта позволяет приблизиться к целостности и бытийности в исследовании психики, поскольку основными здесь становятся вопросы становления психических процессов, их самоорганизации и саморазвития.

К сожалению, гораздо реже затрагиваются в литературе вопросы онтогенеза психологического пространства, его групповой и индивидуальной вариативности, а также роли возрастных закономерностей и профессиональных интересов в процессе развития и структурирования психологического пространства.

Эмпирическое исследование

Цели и гипотезы исследования

Целью данной работы является анализ особенностей психологического пространства молодых специалистов конкретной профессиональной группы «практические психологи». Еще одной задачей была оценка исследовательских и диагностических возможностей ряда методических инструментов, предназначенных для исследования проблематики психологического пространства личности.

Как и любая профессиональная деятельность, профессия «практический психолог образования» предъявляет специальные требования к личностным и профессиональным качествам представителей данной профессиональной группы. Мы исходили из предположения о том, что психологическое

пространство представителей этой профессии будет иметь отличительные особенности, дифференцированные относительно их «профессиональной адекватности». Также предполагалось, что возрастной этап ранней взрослости задает определенные параметры психологического пространства, определяющие его специфичность в ряду других возрастных этапов.

Данные гипотезы потребовали решения следующих задач:

- 1) разработать методические приемы исследования психологического пространства практических психологов образования и оценить их исследовательский и диагностический ресурс;
- 2) выявить структуру психологического (в частности, социально-психологического) пространства молодых практических психологов образования;
- 3) выявить формальные параметры их профессионализации.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие молодые специалисты (средний стаж работы по специальности – 3,8 года) – практические психологи образования, работающие в дошкольных и средних образовательных учреждениях (женщины, $N = 58$, $M = 25,7$ года, $SD = 2,2$ года). Особенностью данной выборки являлось то, что все респонденты на момент обследования завершали трехгодичный курс постдипломного образования по системе «студент – наставник»: на протяжении всего срока обучения все перипетии своей профессиональной жизни студенты индивидуально прорабатывали с преподавателем вуза, организовавшего указанную образовательную практику.

Методики

Данные о профессиональном психологическом пространстве респондентов включали в себя следующие параметры: стаж работы; информация о социальных условиях работы (трудится ли респондент в группе психологов или он единственный психолог в образовательном учреждении); самооценка удовлетворенности профессией (рис. 1). Для получения последнего параметра респондент отмечал свое положение на шкале – десятисантиметровом отрезке, что позволяло при обработке данных легко перевести выбор испытуемого в баллы от 0,0 до 10,0.

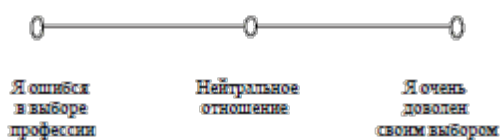

Рис. 1. Самооценка удовлетворенности профессией.

Для оценки структуры психологического (прежде всего такого его частного случая, как социально-психологическое) пространства респондентов применялись следующие методические приемы.

1. Самооценка психологической дистанции. Для 15 социальных групп (от семьи и друзей до населения страны в целом, включая профессиональные и внепрофессиональные области) оценивалась величина «психологической дистанции» между группой и респондентом по следующей пятибалльной шкале: самые близкие (1 балл), близкие (2), ни близкие, ни далекие (3), далекие (4), самые далекие (5 баллов). Состав групп был специально разработан для данного исследования.

2. Графическое представление жизненного психологического пространства. В основу данного методического приема была положена известная методика «Социограмма семьи» [Никольская, Пушина, 2003; Эйдемиллер, Юстицкис, 2008], когда на листе бумаги в круге ($d = 110$ мм) испытуемый располагает маленькие кружки, символизирующие членов его семьи. Наш вариант можно было бы назвать «Социограмма жизни», а если точнее – «Витаграмма» (от лат. *vita* – жизнь; гр. *gramma* – запись), поскольку он позволяет зафиксировать не только социально-психологические элементы жизненного психологического пространства личности.

Респондентам были предложены два исходных круга: «Моя жизнь сейчас» и «Моя жизнь в идеале», которые надо было заполнить кружками, обозначающими всё, что респондент считал значимым для адекватного представления его жизни, – это могли быть люди, отношения, процессы, явления и пр. Кружки респондентами нумеровались «в порядке поступления» и именовались. Количественная обработка результатов заключалась в определении частоты встречаемости выбираемых респондентами категорий, качественный же анализ проводился в соответствии с интерпретационными принципами методики «Социограмма семьи» (очередность рисования кружков, их величина и число, местоположение, наличие / отсутствие, дистанция между ними и пр.).

Результаты и обсуждение

Усредненные (N = 58) данные о величине самооценки психологической дистанции между молодыми психологами психологической службы образования и представителями различных социальных групп из их окружения показаны на рисунке 2. Мы видим вполне типичную динамику дистанцированности – от ее минимальных размеров в отношении родных респондентам людей до приближения к границам психологического пространства в случае больших групп или представителей государственных структур.

Рис. 2. Величина самооценки (от одного до пяти баллов) психологической дистанции между молодыми специалистами психологической службы образования и представителями различных социальных групп (среднее значение для N = 58).

Нельзя не заметить, что на рисунке 2 средняя часть шкалы «кучно» занята элементами профессионального

социально-психологического пространства респондентов. Выстраивается, таким образом, определенная иерархия дистанцированности субъектов профессионального пространства специалистов психологической службы образования:

- 1) коллеги-психологи (средний балл самооценки психологической дистанции 2,63);
- 2) субъекты профессиональной деятельности (воспитанники ДОУ, школьники, их родители, педагоги и т.п.) (2,84);
- 3) коллеги по организации (педагоги, социальные работники и т.п.) (3,11); администрация учреждения (3,37);
- 4) непосредственное начальство респондентов (3,42).

На наш взгляд, данное распределение может рассматриваться как свидетельство корректности профессионального самоощущения обследованных психологов. Во-первых, субъекты их профессионального пространства позиционируются строго в области деловых отношений (значение трехбалльной самооценки психологической дистанции, как было указано выше, «ни близкие, ни далекие»), не проникая в зоны интимности и отчужденности социально-психологического пространства. Во-вторых, тот факт, что коллеги-психологи и «клиенты» дистанцированы в меньшей степени, чем сослуживцы и управленцы, в полной мере отвечает специфике труда практического психолога.

Еще одним аргументом в пользу вывода о профессиональном психологическом «здоровье» обследованной выборки является самооценка респондентами удовлетворенности своей работой: в целом по выборке она составляет 8,3 балла из десяти. Причем оценок ниже 5 баллов (что соответствует нейтральному отношению к профессии) вообще не зафиксировано. Более того, только 2 респондента показали результаты, отличающиеся от общей тенденции, оценив свою удовлетворенность профессией в 5 и 6,1 балла. Остальные оценки (56 респондентов) находятся в интервале от 7 до 10 баллов ($M = 8,6$).

При проведении процедуры самооценки психологической дистанции респондентам предлагалось по мере необходимости дополнить предложенный список оцениваемых категорий важными для них, но не упомянутыми в бланке опроса, группами. Никто из респондентов не воспользовался предоставленной им возможностью, из чего можно сделать вывод о том, что в нашем исследовании адекватно намечены основные элементы социально-психологического пространства молодых специалистов психологической службы образования. Хотя здесь следует еще раз акцентировать специфичность использованной выборки, состоявшей из людей, сознательно выбравших трехгодичный курс постдипломного образования (причем самостоятельно оплачиваемый), то есть активно заинтересованных в профессиональном развитии. Понятно, что такую выборку никоим образом нельзя считать полностью тождественной генеральным совокупностям студентов и выпускников психологических факультетов российских вузов. Вероятнее всего, структура социально-психологического пространства может стать весьма информативным средством оценки как уровня сформированности профессиональной идентичности, так и уровня личностного развития специалистов.

Перейдем к анализу данных, полученных с помощью методического приема «Витаграмма».

Прежде всего, следует отметить методическую корректность данного исследовательского приема, поскольку никаких затруднений в понимании предложения «изобразить свою жизнь» у респондентов не зафиксировано. В подавляющем большинстве все они весьма заинтересовано справились – конечно, с разной степенью детализации – с «портретированием» своего психологического жизненного пространства. Единственное, что следует отметить, – это заявление 21% респондентов при переходе от задания «Моя жизнь сейчас» к заданию «Моя жизнь в идеале» о том, что реальность и идеал ничем не отличаются, что «будет тот же самый рисунок!». Конечно, в итоге рисунки никоим образом не были идентичными, но сам факт ощущения респондентами «идеальности» своей наличной жизненной ситуации весьма показателен.

В целом по выборке использовано 114 категорий при изображении текущей жизненной ситуации и 87 – идеальной. Наиболее частотные из них указаны (в порядке убывания) в табл. 1.

Таблица 1

Частотность элементов реального и идеального психологических пространств в их презентации респондентами

Реальное жизненное психологическое пространство		
Ранг	Категория	Количество упоминаний
1	Развитие, самореализация, творчество, планы на будущее	32
2	Работа, психологическая деятельность	30
3	Психические состояния и процессы	29
3	Друзья, подруги	29
5	Я	28
6	Учеба, образование, повышение квалификации	23
7	Увлечения, хобби, интересы	22
8	Собственная семья	16
9	Родственники	15
10	Муж, жених, молодой человек, любимый человек, мужчина	14
10	Любовь, близкие отношения, семейное счастье	14
10	Отдых, развлечения, личное свободное время, удовольствия	14
13	Мама	12
14	Семья родителей	10
14	Родители	10
14	Брат	10
17	Папа, отчим	9
18	Знакомые	8
19	Ребенок, сын	7
20	Сестра	6
20	Путешествия	6

Идеальное жизненное психологическое пространство		
Ранг (предыдущий ранг)	Категория	Количество упоминаний
1 (7)	Увлечения, хобби, интересы	36
2 (2)	Работа	26
3 (3)	Друзья, подруги	25
4 (5)	Я	24
5 (8)	Собственная семья	23
6 (10)	Муж, жених, любимый человек, мужчина	18
7 (3)	Психические состояния и процессы	17
7 (6)	Учеба, образование	17
9 (19)	Дети, ребенок, дочь, сын	16
10 (10)	Отдых, развлечения	15
10 (1)	Творчество, развитие, планы на будущее, цели, мечты	15
12 (20)	Путешествия	8
12 (20)	Сестра	8
14 (14)	Родители	7
14 (14)	Семья родителей	6
14 (14)	Брат	6

В рамках представления о возрасте как нормативном явлении каждому возрасту соответствуют определенные возрастные задачи развития. Необходимо отметить, что, по мнению некоторых авторов [Солдатов, 2013], в нашем обществе основные задачи ранней взрослости связаны с профессиональным становлением и созданием семьи, направленностью на получение новых знаний, высокой активностью в созидании нового. Как видно из таблицы 1, наша выборка не противоречит указанным нормативным требованиям, поскольку в ее приоритетах, «как и положено», выступают задачи развития, обучения, профессионализации, творчества, взаимоотношений с родными и близкими. Но необходимо подчеркнуть, что также приоритетными для наших респондентов являются такие важные с точки зрения возрастной психологии задачи развития, как рефлексия и самопознание (ранг 3), дружеские отношения (ранг 3), а также сфера внепрофессиональных интересов (ранг 7) и отдыха (ранг 10).

Что касается позиции «Психические процессы и состояния» (ранг 3), то здесь респонденты упоминали

всевозможные категории: от усталости, одиночества и конфликтов до толерантности, созерцания и бессознательного. Какого бы то ни было единообразия в содержании данных выборов проследить не удалось; практически все они единичны, то есть каждый респондент упоминал нечто сугубо индивидуальное: кто тревогу, кто огорчения. В чем респонденты нашей выборки все же едины, так это в эмоциональной окраске своих актуальных переживаний: в подавляющем большинстве случаев это «краски» тревожности, конфликтности, выгорания, беспокойств и т.п. Понятно, что этому способствуют и возрастной этап испытуемых (ранняя зрелость – время поиска себя и своего окружения, становления, личной и профессиональной неопределенности), и его социальный фон – общественные неопределенность и нестабильность (кстати, у одного из респондентов последнее является элементом реального жизненного пространства). Косвенным подтверждением «этапности» текущих переживаний респондентов является существенное снижение ранга (с третьего до десятого) позиции «Психические процессы и состояния» в их идеальном представлении о своей жизни, а значит, и прогнозируемое респондентами изживание сегодняшних задач.

При анализе полученных в исследовании психологических пространств обращает на себя внимание практически полное отсутствие в них элементов, отражающих реалии информационного общества, в частности СМК (только один респондент упомянул компьютер). Возможно, это объясняется спецификой нашей выборки – молодые женщины, гуманитарная профессиональная сфера, образовательный уровень и т.п. Также стоит отметить превалирующую интимность, «интравертированность» представленных респондентами образов их жизни – в них доминируют центростремительные силы и уровень обыденного сознания – такие обобщения, как «культура», «религия», «вера», «мир во всем мире», «внешний мир», «город», «общество» не превышают уровня 1–2 упоминаний.

Таблица 1 наглядно иллюстрирует существенные различия в структуре реального и идеального психологических пространств обследованной выборки. Особенно впечатляющим является изменение ранга такого элемента психологического жизненного пространства, как «Увлечения, хобби, интересы» – с седьмой позиции в реальном пространстве он поднялся на первую в идеальном. А также обратное движение элемента «Развитие, самореализация, творчество, планы на будущее» – с первого места на десятое.

Можно сказать, что представленный респондентами образ их реального психологического жизненного пространства, как мы уже упоминали, нормативен, но нормативен исторически и причем – только в своих основных чертах. Под исторической нормативностью мы имеем в виду усредненный для разных поколений представителей российского общества образ возрастной нормы. У респондентов нашей выборки во вполне нормативном пространстве появляются, как мы опять же уже упоминали, элементы, соответствующие поколенчески новым возрастным задачам, расширяющие нормативное поле. Со всей очевидностью это и демонстрирует желаемый образ жизни, в котором намеченные в текущей ситуации тенденции становятся приоритетами, – в нем существенно снижается тревожность проблематики развития и самореализации и повышается «градус» комфортности жизни, удовольствия от жизни. Следовательно, поскольку в контексте осуществления прогностических способностей человека будущее представлено жизненными целями, планами, ориентациями и перспективами [Регуш, 2003], анализ витограмм нашей выборки позволяет сделать вывод о желаемом респондентами векторе развития их жизни.

Идеальное психологическое жизненное пространство выглядит, как ему и положено, более гармоничным, чем реальное. Но, главное, его структура позволяет увидеть определенные тенденции в организации жизни – и их, на наш взгляд, вполне можно назвать гедонистическими.

Обратившись к анализу не только содержательных, но и графических данных, полученных в ходе использования методического приема «Витограмма», мы сможем еще больше укрепиться в указанной позиции. Так, субъективная значимость элементов психологического пространства задает местоположение, размер и очередность их изображения на бланке. В этой связи интересно обсудить интерпретацию элемента «Работа», имеющего стабильно высокий ранг в обеих витограммах и, казалось бы, вполне «благополучного». Но, как показывает на витограммах подавляющего большинства респондентов кружок «работа» имеет подчиненное положение – он расположен ниже уровня «Я» (реже – на уровне «Я»), он никогда не рисовался первым и самого большого размера по сравнению с другими элементами (рис. 3).

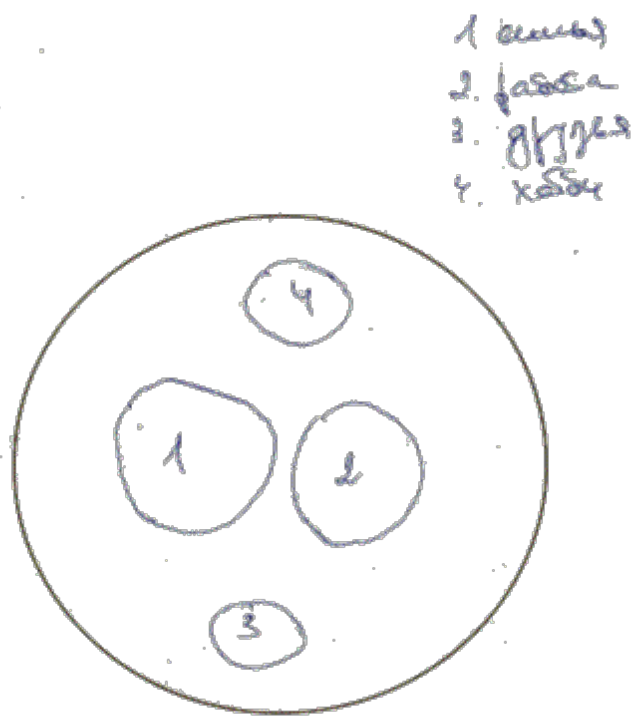

Рис. 3. Витаграмма «Моя жизнь в идеале» респондента Г.

На витаграммах нескольких респондентов (а на «идеальных» витаграммах – почти у трети респондентов) он вообще отсутствует, притом что это работающие и, как они сами отмечают, довольные своей работой люди. Иными словами, общая тенденция такова, что кружок «работа» располагается на витаграмме не последним, но в самом низу и не большим, чем большинство других элементов, – налицо констатация элемента и стремление дистанцирования с ним. Один из респондентов даже разделил «работу на себя» и «работу на государство», причем первая расположена выше и больше по размеру, чем вторая.

Возможно, относительно низкая субъективная значимость работы объясняется относительным материальным благополучием выборки (респонденты, как мы помним, способны оплатить трехгодичный курс постдипломного образования), ее гендерным составом и профилем самой работы, не предъявляющей высоких требований к креативности и увлеченности трудом.

В подавляющем большинстве упоминаний «Я» витаграммы центрированы относительно этого элемента – самого субъекта психологического жизненного пространства. Можно было бы предположить, что это является показателем психологического здоровья респондента, но, вероятно, это не всегда так, поскольку остальные элементы пространства и в случае центрации «Я» зачастую свидетельствуют о наличии зон психологической напряженности. Так, например, на рисунке 3 выделяются две проблемные зоны – «работа на государство» и «отношения», в пользу чего свидетельствуют их местоположение, величина шрифта и очередность появления.

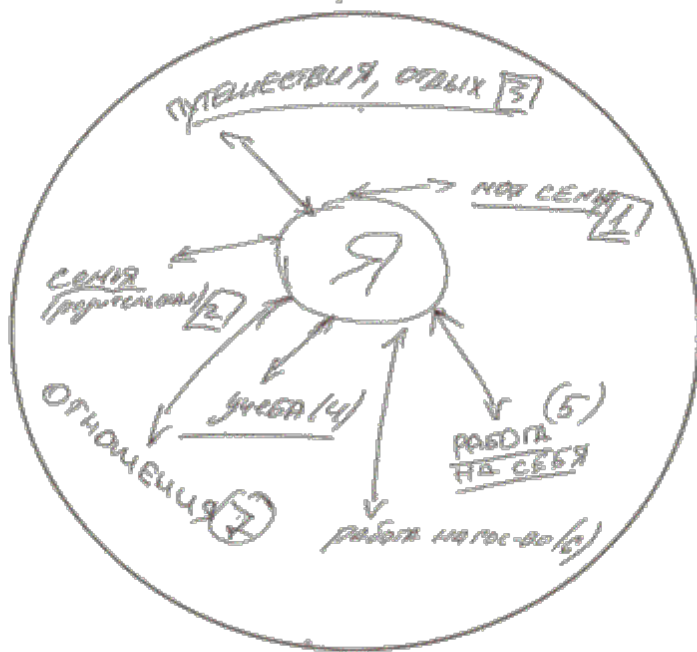
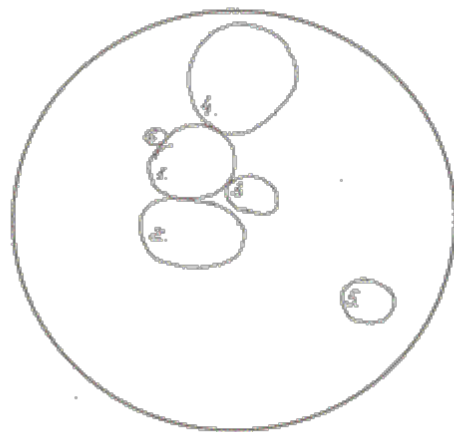

Рис. 4. Витаграмма «Моя жизнь в идеале» респондента В.

Верхний уровень витаграмм занят гедонистическими элементами: увлечения, путешествия, удовольствия, мечты («музыка», «прогулки», «языки», «написать книгу» и т.п.). Общая тенденция заключается в том, что эти элементы доминируют над «Я» – они, иными словами, играют «потребностно-мотивационную» роль в жизни субъекта, задавая область желаемых достижений (рис. 5).

1. Отношения с супругом
2. Отношения с семьей
3. Профессиональные взаимоотношения
4. Отдых, развлечения
5. Другая, unspecified
6. Материальное положение

Рис. 5. Витаграмма «Моя жизнь сейчас» респондента М.

Средний уровень витаграмм отдан семье, родным и близким (в чем вполне типична витаграмма на рисунке 6). Вероятно, область витаграммы можно горизонтально разделить на три зоны: внизу будет зона психологического напряжения, в середине – зона более или менее контролируемых и освоенных процессов, вверху – зона предпочтений (рис. 6).

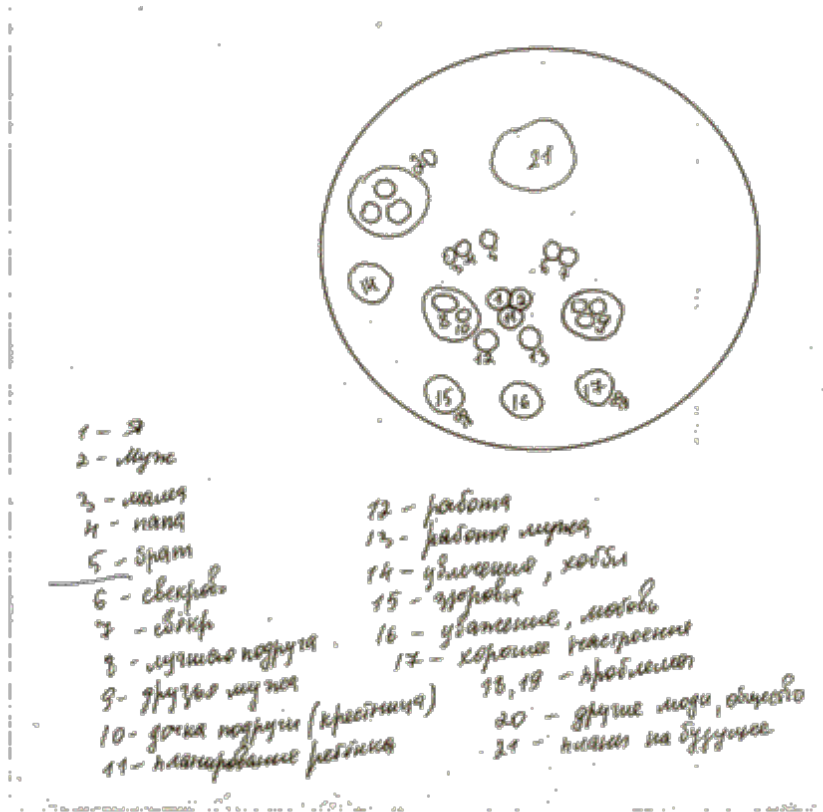

Рис. 6. Витиграмма «Моя жизнь сейчас» респондента Ф.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Социально-психологическое пространство молодых специалистов психологической службы образования структурируется как личностными, так и профессиональными мотивами. Значительный процент элементов, связанных с семьей и близкими людьми обусловлен, по-видимому, возрастным и гендерным составом специалистов данной группы.

Возрастные и профессиональные закономерности проявляются в том, что работа, стремление к рефлексии, профессиональной самореализации, повышению квалификации являются важными параметрами, структурирующими реальное психологическое пространство респондентов данной группы.

Выявлены динамические тенденции в структуре психологических пространств, проявляющиеся в существенных различиях в структуре реального и идеального психологических пространств, которые можно охарактеризовать как усиление гедонистических тенденций в организации образа жизни.

Показано, что методический прием «Витиграмма» позволяет не только визуализировать структуру психологического пространства, но и объективизировать его существенные компоненты и основные элементы в их динамическом и иерархическом соотношении.

Установлен диагностический потенциал такого элемента психологического пространства, как «Психические процессы и состояния» в плане определения уровня развития профессиональной идентичности на этапе профессионального становления в профессии практического психолога.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект 13-06-00272.

Литература

Барабанщиков В.А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: ИП РАН, 2012.

Городилина М.В. Суверенность психологического пространства личности как фактор медиабезопасности. Вестник Челябинского государственного университета, 2013, No. 21, 157–158.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Парадигмальные изменения в психологических исследованиях человека. Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики, 2012а, No. 3, 3–13.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования. Знание. Понимание. Умение, 2012b, No. 2, 10–18.

Иркин Д.Б., Шевеленкова Т.Д. Суверенность психологического пространства личности подростков и ее взаимосвязь с уровнем невротизации и представлениями подростков об их воспитании родителями. Психология и право, 2011, No. 3, 55–65.

Киященко Л.П. (Ред.). Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002.

Левин К. [Lewin K.] Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.

Левкова Т.В. Суверенность психологического пространства как основа психологического здоровья личности. Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема, 2010, No. 1–2, 63–67.

Лисеев И.К., Садовский В.Н. (Ред.). Системный подход в современной науке. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ. Психологические исследования, 2013, 6(30), 12. <http://psystudy.ru>

Мунгалов В.Н. Психологическое пространство человека. Сибирский психологический журнал, 2012, No. 45, 104–111.

Мунгалов В.Н. Психологическое пространство человека: содержание и объяснительные возможности понятия. Известия Иркутской государственной экономической академии, 2013, No. 3, 140–143.

Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение. Психологический журнал, 2003, 24(6), 27–36.

Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М.: Моск. пед. гос. университет, 2005.

Никольская И.М., Пушина В.В. Семейная социодиагностика в психологическом консультировании. СПб.: Речь, 2003.

Панина Е.Н. Взаимосвязь суверенности психологического пространства и субъективного благополучия личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Красноярск. гос. пед. университет им. В.П.Астафьева, Красноярск, 2006.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003.

Скорова Л.В. Формирование суверенности психологического пространства у старших подростков. Сибирский психологический журнал, 2013, №. 48, 75–83.

Солдатова Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск: Южно-Уральск. гос. университет, 2007.

Солдатова Е.Л. Роль образа семьи в информационном пространстве как основа идентификации молодежи. Гуманитарный вектор, 2013, 1(33), 145–149.

Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008.

Поступила в редакцию 12 августа 2013 г. Дата публикации: 14 февраля 2014 г.

[Сведения об авторе](#)

Шукова Галина Валерьевна. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: shookova@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Шукова Г.В. Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов. Психологические исследования, 2014, 7(33), 12. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Шукова Г.В. Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 33. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/938-shukova33.html>

[К началу страницы >>](#)